

К.В. Чистов

НАЧАЛО И КОНЕЦ МОЕЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война в памяти переживших ее остается периодом совершенно особым по плотности и обилию событий, трагических и радостных, невероятного эмоционального перенапряжения. Вспоминать и рассказывать о каждом дне невозможно — потребовалось бы исписать тысячи страниц, несмотря на то, что время постепенно заглушает воспоминания, оставляя для нынешних дней только самое яркое. Что же самое яркое?

Ответить на этот, казалось бы, простой вопрос очень трудно. Есть и другие, чисто психологические трудности, — не хочется признавать, что кроме воспоминаний нам будто бы ничего не осталось. Жизнь мчится с невиданной скоростью и времени предаваться воспоминаниям очень мало. Я много раз говорил себе: «Воспоминания буду писать, когда выйду на пенсию». Но... если не успею выйти на пенсию?

Попробую все-таки вспомнить: как для меня начиналась и кончилась война? Странный, казалось бы, вопрос! Началась она, как известно, 22 июня 1941 года, а окончилась 9 мая 1945 года... Это так, но все-таки у каждого она «начиналась» и «кончилась» по-своему, в свои сроки.

В день, когда прозвучало по радио сообщение Молотова о нападении Германии на Советский Союз, я готовился к экзамену по зарубежной литературе второй половины XIX—начала XX века, который должен был завершить мой четвертый курс филологического факультета Ленинградского университета. Выступление Молотова поразило всех,

Кирилл Васильевич Чистов — рядовой. Воевал в составе студенческого партизанского отряда, на Ленинградском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

хотя все мы как бы непрерывно ждали войны и одновременно как бы не верили тому, что она могла начаться так внезапно.

Трагически и угрожающе звучали сводки с фронтов в последующие недели — немцы стремительно продвигаются в глубь страны. Когда же удастся их хотя бы остановить?! Брест... Минск... Смоленск... Таллин... Псков... В эти горькие дни я работал в составе студенческого отряда на строительстве запасного аэродрома за Сиверской у д. Даймище. Мы уже видели немецкие самолеты, слышали гул далеких бомбежек. Все мы жили только войной, с нетерпением ждали очередную сводку, редкую газету, на лету ловили любой слух, чтобы верить и не верить. И все же, вспоминая те дни, я ясно вижу, что настоящее осознание войны в ее грандиозном масштабе и смертельной опасности постигло меня несколько позже.

На строительстве аэродрома я оказался потому, что числился «белобилетником», но это не помешало мне добровольно зачислиться в партизанскую школу, которая действовала на острове Голодае. Перед этим в Даймище приезжал мой однокурсник Сергей Максимов — участник «зимней войны» с Финляндией, Герой Советского Союза — и предложил некоторым из нас «пойти в партизаны» вместе с группой студентов-добровольцев. После недолгой учебы в партизанской школе пришел день, когда наш студенческий партизанский батальон должен был перейти фронт, чтобы действовать в фашистском тылу. Когда мы отправлялись из Областного Штаба Партизанского Движения на улицу Плеханова к фронту, никто из нас, кроме командира батальона, не представлял себе ясно, где в это время (середина августа 1941 года) проходила линия фронта. Неужели уже в Ленинградской области? Вскоре наши предположения подтвердились самым роковым образом. Рано утром на нескольких грузовиках мы двинулись в путь по Ленинграду, а потом по шоссе Ленинград—Киев. Почти сразу же после выезда на шоссе попали в непрерывную полосу воздушных тревог. Часто приходилось останавливаться и искать укрытия в придорожных кустах, в кювете, где попало. Все обходилось удачно, но уже возникло еще непривычное почти солдатское напряжение. Под вечер мы остановились в леске рядом с какой-то воинской частью, задержавшейся на марше. Нас накормили крутой кашей с разогретым консервированным мясом; еда, которая вспоминалась всю войну. Но потом построение, и командир батальона очень спокойно и тихо говорит нам: «Теперь поскорее спать! Рано утром будем переходить линию фронта. Все должны быть бодры и спокойны...». Это потрясло — не может быть, что фронт так близко! Утром по мере

приближения фронта удивление, тревога, растерянность возрастали. Фронта никакого не было!

Стало ясно, что немцы движутся по дорогам, — мы уже слышали рокот их моторов. Но где наши войска, где наш фронт? На занятиях военным делом (мы ведь были «без пяти минут лейтенанты») нас учили, что фронт должен быть правильно эшелонирован, должно быть определенное соотношение пехоты, артиллерии, танков, резерва, складского хозяйства, госпиталей и т.п. Ничего этого мы не видели. И более того: незадолго до того, как мы оказались по ту сторону фронта, мы вышли на небольшую лесную полянку, где увидели десятка полтора наших солдат. Они выкапывали индивидуальные окопчики.

— Что вы тут делаете, ребята? — спросили мы их.

— Лейтенант привел нас сюда, велел нам окапываться. Через час-полтора здесь должны быть немцы...

Мы покурили с ними и пошли дальше.

Возбуждение наше дошло до предела. Вместе с нами двигался батальон рабочих Балтийского завода. На первом привале в расположении «рабочего батальона», как мы его стали называть, послышался гулкий выстрел. Все вскочили. На фоне общего стремления не шуметь, чтобы не выдать себя противнику, звук выстрела казался чудовищным. Что это? Мы обнаружены? Выяснилось, что у одного из партизан (точнее — у несостоявшегося партизана) отказали нервы. В отчаянии он решил застрелиться. Теперь он корчился на земле и кричал. Перевязать раненого никто не решался. Командиры нашего и «балтзаводского» батальонов, посоветовавшись, решили, что его надо немедленно прикончить, чтобы он не выдал нас всех своим криком. Кажется, действительно, другого выхода не было. Стрелять снова было нельзя. Но он сам вдруг затих.

Трагическая и предельно тягостная картина смерти, хоть и совершенно незнакомого, но только что шагавшего рядом с нами товарища была почти непереносимой.

Тревожное напряжение нарастало. Почему же Ленинград не защищен? Где наши войска?

Только позже мы поняли, что немцы тоже оказались в нелегкой ситуации — им хотелось сходу ворваться в Ленинград. Они были достаточно опьянены своими успехами, завоевав уже почти всю Европу. Но их командование не могло не придержать движение войск. Коммуникации оказались безмерно растянутыми, движение по дорогам без овладения прилегающей территорией могло оказаться крайне опасным. Трудно было предполагать, что Ленинград совершенно оголен. (Между

Кирилл Васильевич Чистов — член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии, крупнейший специалист по истории и теории фольклора, доктор исторических наук. Президент Федеративной Республики Германия в 2000 году награжден К. В. Чистова немецким орденом Крест «За заслуги» на ленте за его многолетние усилия по духовному, а не просто дипломатическому примирению двух народов, вступивших некогда в смертельную борьбу. Своей деятельностью в сфере русско-немецкой культурной жизни он способствует как изживанию немецким народом метастазов нацизма, так и пониманию в России принципиальных изменений, происшедших в Германии.

ре», недалеко от Гдыньской косы, на которой все еще оставались окруженные немецкие части. Все говорило о том, что конец войны бли-

прочим, он и не был вполне оголен, но наши войска, терпя одно поражение за другим, не успевали перегруппироваться.) Но тогда мы видели только то, что видели. Положение было действительно крайне тревожным, но не безнадежным. Тогда нам всего этого было не понять. Мы были поражены реальностью, не исключавшей того, что Ленинград мог пасть. Наш Ленинград, без которого жизнь казалась бессмысленной. Кроме того — там были семьи, родные, друзья. Среди них и моя юная жена, с которой мы «записались», как тогда это называли, только 27 июня. Как все-таки хорошо, что мы были тогда так молоды и оказались способными выдержать первое в нашей жизни столь мощное потрясение!

Позже эта первая смерть товарища, если и не забылась, то заслонилась многим, что пришлось пережить. Но теперь, вспоминая начало войны, я отчетливо вижу — моя война началась именно с этого. Этого пожилого уже мужчину, хотевшего стать партизаном и не успевшего им стать, сразу погибшего, не услышавшего ни одной вражеской пули, мы и жалели, и осуждали, и хотели понять, и не могли понять...

Теперь о том, как для меня кончилась война.

9 мая 1945 года для меня, как и для всех людей, живших тогда на Земле, — день совершенно незабываемый. Я встретил его в Прейсиш Нейштадт (Вейхерево) — городке, расположенном в так называемом «польском коридоре», недалеко от Гдыньской косы, на которой все еще оставались окруженные немецкие части. Все говорило о том, что конец войны бли-

зок, неизбежно близок. Уже ходили слухи о начавшихся переговорах (то ли с нашими представителями, то ли с англо-американскими) о капитуляции Германии, но когда и как это произойдет, никто в действительности не знал. Все ждали какого-то официального и торжественного акта. 8 мая с утра эти слухи усилились.

В эвакуогоспитале, в штабе которого я служил в последние месяцы войны, вечером 8 мая никто не ложился спать. Наш радист не уходил от своей рации, из штаба госпиталя, имевшего телефонную связь с какими-то вышестоящими инстанциями, время от времени позванивали туда, но это удавалось редко. Линия была «забита».

Разговоры, разговоры, разговоры... Все были предельно возбуждены. Откуда только брались силы для такого напряжения? Казалось бы, нервы давно истощены до предела, но тут, в этой ситуации, эмоции вспыхнули с новой силой. Вспоминались пережитые военные годы, мечтали о будущем. Оно рисовалось самым радужным — все это заслужили. Хотелось вернуться к семьям, к полузабытым мирным профессиям. Некоторым было некуда вернуться, другие все еще не знали, где родные, что с домом, городом, родным селом. Осталось ли что-нибудь? Лишь далеко за полночь госпиталь — и персонал, и так называемые «ранбольные» (почему-то это звучало в одном слове) — затих. Проснулись мы под утро, но очень еще рано, от общего шума, криков, пальбы. Трудно было сразу понять, что случилось. Кто-то по привычке бросился «в ружье», кто-то выбежал на улицу. И все сразу узнали — по радио прозвучало Правительственное сообщение: Германия капитулировала, объявляется мир. Мы сразу присоединились к ликующей толпе... Все что-то кричали, пели, обнимали друг друга — знакомых и незнакомых. Стреляли в воздух из всего, что стреляло.

Сестры бегали по палатам, обнимали и целовали раненых.

Улица ликовала и почти не замечала мрачного молчания домов, в которых гнездились немногочисленные местные жители — немцы. Кое-где приоткрывались окна и снова в страхе захлопывались. Позже выяснилось, что население было терроризировано геббельсовской фашистской пропагандой, ожидали чего-то вроде «ночи длинных ножей». Перед нашим приходом листовки и газеты, если они еще выходили, «объясняли» населению, что надо бояться не фронтовых солдат, а некоего второго эшелона — это будут «монголы» и «сибиряки», которые учинят всеобщий разгром. Запуганные обыватели приняли нашу праздничную ночь — за ночь входа в город монгольской орды карателей.

Я помню, что только где-то уже утром по крайней мере части населения мы сумели объяснить, что произошло, и они несколько опасливо, но стали радоваться вместе с нами.

Таким мне видятся и сейчас ночь и первый день, который обозначил самое значительное для нашего поколения (вернее: для поколений, переживших войну) событие — конец тяжелейшей войны, великую Победу, переход к мирной жизни, так беспощадно нарушенной в 1941-м. Это было для нас невиданное преобразование мира и людей, окружавших нас, и переживалось это с таким подъемом, воодушевлением, порывом, единодушием, гордостью, которые не забываются.